

УДК 330.101

ПРОБЛЕМА ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ И ВЫБОРА МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Е.Е. СклЯрова

Международный институт компьютерных технологий, г. Воронеж

E-mail: SEE1-business@yandex.ru

Приводятся описание авторской методики и результаты оценки эффективности инновационной экономики, даются рекомендации по выбору модели инновационного развития для России.

Ключевые слова:

Инновационная экономика, предпринимательство, эффективность экономики, модель инновационного развития.

Key words:

Innovative economy, entrepreneurship, economic efficiency, innovation development model.

Переход российской экономики на инновационный путь поставил многих исследователей перед проблемой выбора наиболее эффективной модели инновационного развития. Однако данное направление не получило должной разработки, и остается открытым вопрос создания методологической базы для эффективности инновационной экономики.

В отношении российской экономики многие авторы, занимающиеся исследованием данного вопроса, сходятся во мнении, что инновационная система России должна быть построена преимущественно на принципах альтернативной модели инновационного развития, но это убеждение является не достаточно верным, хотя и имеет веские аргументы в свою пользу. Поэтому, чтобы сделать окончательный выбор в пользу той или иной модели инновационного развития экономической системы (МИРЭС), необходимо определить эффективность каждой из них на основе методики интегральной оценки эффективности инновационной экономики. Данная методика была разработана в целях оценки вклада малого и среднего предпринимательства (МСП) в повышение эффективности инновационной экономики [1]. Кратко изложим суть предлагаемой методики.

Эффективность любой экономической системы, особенно инновационной экономики, зависит от множества факторов: человеческого капитала, научно-исследовательского потенциала, ресурсных возможностей, наличия венчурного инвестирования, развитой инфраструктуры, системы трансфера инноваций и ИТ, активной государственной поддержки и стимулирования частного бизнеса к инвестициям в инновационные исследования и ряда других факторов. Поэтому методика основывается на многофакторном анализе экономической системы.

По предлагаемой методике эффективность инновационной экономики может быть определена как соотношение показателей результата инновационной деятельности (индекс результативности инновационной экономики – ИВИР) к затрачиваемым ресурсам на обеспечение функционирования инновационного процесса в экономике и соз-

дания инновационной продукции (индекс возможностей инновационного развития – ИРИЭ). Данный показатель получил название коэффициента эффективности инновационной экономики (КЭИЭ) [1].

ИВИР характеризует совокупность факторных показателей, отражающих ресурсный потенциал экономической системы и являющихся движущими силами развития инновационной экономики, и рассчитывается как среднее арифметическое агрегированных ресурсных субиндексов, отражающих состояние таких ресурсов, как: человеческие, финансовые, интеллектуальные, предпринимательские, информационно-коммуникационные технологии, ресурс сотрудничества, ресурс внешних по отношению к данной экономической системе знаний.

ИРИЭ отражает такие результаты инновационной деятельности, которые были получены при использовании имеющихся ресурсов, и рассчитывается как среднее арифметическое от пяти агрегированных субиндексов, характеризующих результаты в сфере создания интеллектуальных ресурсов, полученных экономических эффектов от их использования, распространения знаний, инновационного предпринимательства и создания международного имиджа.

Следовательно, коэффициент эффективности инновационной экономики ($K_{ЭИЭ}$) равен отношению индекса результативности инновационной экономики ($I_{РИЭ}$) к индексу возможностей инновационного развития ($I_{ВИР}$).

Если $K_{ЭИЭ} > 1$, то ресурсы, имеющиеся в распоряжении экономической системы, используются эффективно. Если $K_{ЭИЭ} < 1$, то ресурсы используются не эффективно. Для того чтобы можно было сравнить между собой различные показатели, их необходимо привести к одинаковой размерности. Каждый субиндекс рассчитывается на основе нормализованных значений индикаторов. По итогам преобразований значения индикаторов располагаются в интервале от 0 до 1.

Для исследования были отобраны 46 стран, включая Россию. В целях проведения в дальней-

шем сравнительного анализа страны были сгруппированы в соответствии с тремя основными моделями инновационного развития (МИРЭС): евроатлантическая, восточноазиатская и альтернативная, более подробно рассмотренным в работе [2]. Критерием отбора той или иной страны послужили два фактора. *Во-первых*, возможность отразить эффективность функционирования инновационной составляющей в соответствии с выделенными МИРЭС. *Во-вторых*, наличие необходимых данных. С учетом международного опыта и уровня доступности необходимой информации было принято решение об установлении порогового значения наличия данных по стране на уровне 70 %.

Результаты расчетов коэффициента эффективности свидетельствуют о том, что в 70 % случаев страны имеют $K_{инз} > 1$. Из них 68 % – страны, относящиеся к евроатлантической МИРЭС. Доля стран с восточноазиатской и альтернативной МИРЭС составляет по 16,1 %. Однако следует отметить, что в десятку стран-лидеров по коэффициенту эффективности инновационного развития вошли 5 стран европейской МИРЭС (50 %), 3 страны восточноазиатской МИРЭС (30 %) и 2 страны альтернативной МИРЭС (20 %). Причем все три восточноазиатские страны вошли в пятерку лидеров. Россия недостаточно рационально использует имеющиеся инновационные возможности, хотя и входит в состав стран с эффективной инновационной экономикой, занимая 20-е место (для РФ $K_{инз} = 1,099$, что ниже значения страны-лидера (Китай) на 39 %; РФ имеет $I_{вир} = 0,279$ и $I_{инз} = 0,307$, уступая Китаю 17 и 34 % соответственно).

Весьма интересным является сопоставление результатов по трем показателям: ИВИР, ИРИЭ и КЭИЭ. Лидерство страны по показателю возможностей инновационного развития или по результативности их использования не обеспечивают высокой эффективности ее экономики. Так, например, наибольшей ресурсообеспеченностью инновационного развития обладает Великобритания ($I_{вир} = 0,573$), но используются эти ресурсы не эффективно: $K_{инз} = 0,811$. Китай занимает среднее положение по возможностям инновационного развития ($I_{вир} = 0,337$), отставая от Великобритании на 41 %, но при этом индексы результативности этих стран примерно одинаковы (соответственно 0,466 и 0,464). Однако Китай занимает лидирующее положение по КЭИЭ, опережая Германию – лидера по результативности инновационной экономики ($I_{инз}$ Германии равен 0,662 при $I_{вир} = 0,504$), почти на 5 %. США используют имеющийся достаточно высокий инновационный потенциал ($I_{вир} = 0,546$) с невысокой отдачей ($I_{инз} = 0,569$). Коэффициент инновационной эффективности экономики этой страны составляет 1,075, что даже ниже, чем у России.

По среднегрупповому значению КЭИЭ все рассмотренные модели являются эффективными ($K_{инз,гр} > 1$), но наиболее эффективной является восточноазиатская МИРЭС (ее $K_{инз,гр} = 1,174$, что при-

мерно на 11...12 % выше, чем у двух других МИРЭС).

Для того чтобы лучше понять, какой модели инновационного развития следует придерживаться России, построим аналитические диаграммы, сравнивая средние групповые значения по каждой МИРЭС со значениями соответствующих показателей по России.

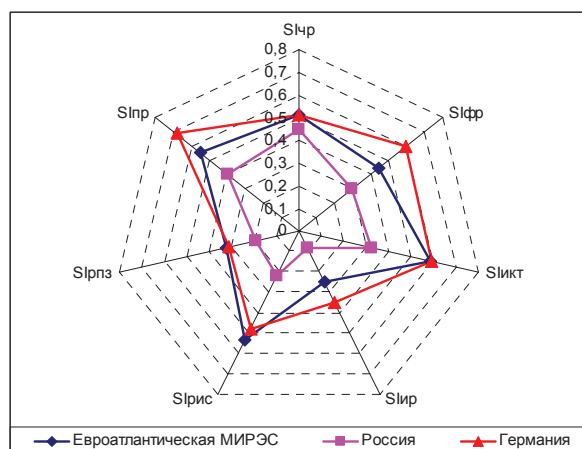
Попарное сравнение многоугольников, отражающих общую ресурсообеспеченность и результативность России и каждой МИРЭС, представлено на рисунке.

На рисунке, а, ресурсообеспеченность и результативность российской экономики сравнивается со среднегрупповыми значениями данных показателей инновационно развитых стран евроатлантической МИРЭС. Как видно из рисунка, Россия существенно отстает от этих стран в объеме ресурсных возможностей, необходимых для инновационного развития. Существенно меньшей является и площадь многоугольника результативности инновационной экономики России. Однако контуры многоугольников, характеризующих состояние российской экономики, практически повторяют контуры фигур для евроатлантической МИРЭС, только в уменьшенном виде. Следовательно, использование этой модели с учетом сегодняшнего состояния российской экономики невозможно, но с течением времени, после того, как России удастся увеличить свой ресурсный потенциал до уровня экономики развитых стран и повысить результативность их использования, евроатлантическая модель развития может стать реальностью.

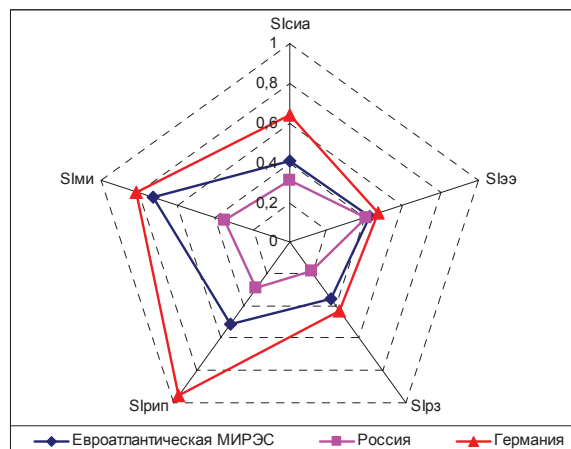
В сравнении с восточноазиатской МИРЭС (рисунок, б) Россия также значительно отстает по обоим показателям, хотя и разрыв уже несколько меньше, чем в первом случае. А по показателю человеческих ресурсов Россия даже опережает среднегрупповые значения стран данной модели. Однако использование этой модели также является весьма затруднительным. Сравнение со среднегрупповыми значениями альтернативной МИРЭС (рисунок, в) позволяет сделать вывод о том, что на данный момент времени для России является оптимальным использование принципов этой модели инновационного развития, т. к. многоугольник ресурсообеспеченности сопоставим с аналогичным многоугольником этой модели.

Однако при выборе модели инновационного развития следует учитывать и тот факт, что уровень развития регионов РФ не одинаков: одни регионы обладают всеми потенциальными и реальными возможностями для развития по традиционной модели, у других таких возможностей нет. Большинство регионов РФ являются реципиентами, у них отсутствует база фундаментальной и прикладной науки, и создать в них инновационные зоны с высокой результативностью вряд ли удастся. Кроме того, при выборе инновационной модели развития России необходимо учитывать территориальные масштабы страны, дифференцирован-

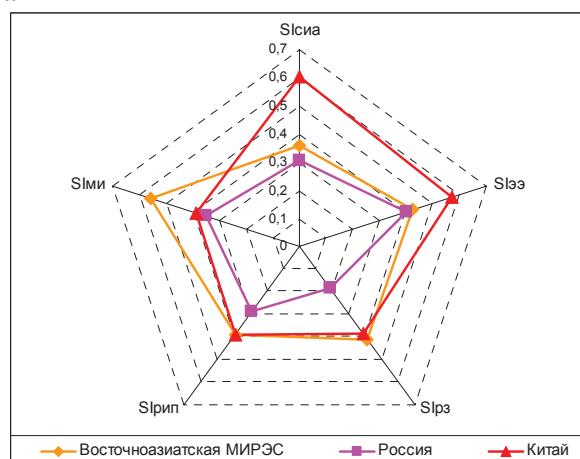
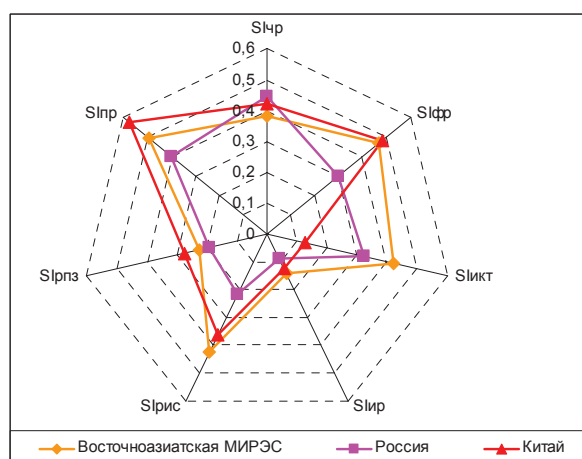
Ресурсные возможности инновационного развития экономики

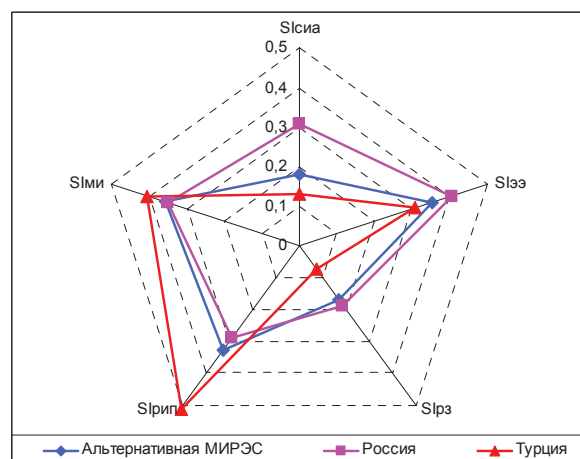
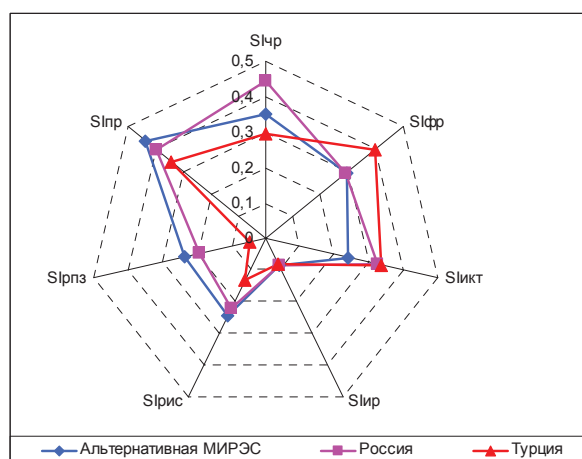
Результативность инновационной экономики

a

б

в

Рисунок. Сравнение ресурсообеспеченности инновационного развития российской экономики и ее результативности с аналогичными показателями различных МИРЭС и лидирующими странами

ность ее финансовых, человеческих, образовательных и иных ресурсов, их размещение и плотность в зависимости от региона, а также многонациональный аспект культурного потенциала и многое другое.

Таким образом, более эффективным будет использование смешанной или дифференцированной модели инновационного развития с учетом разного уровня экономического, инновационного и многонационального потенциала ее регионов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Складорова Е.Е. Проблема выбора модели инновационного развития для современной России // Актуальные экономические и социополитические проблемы развития современного мира и России: Матер. V Междунар. научной конф. – Воронеж: ВГУ-МИКТ, 2011. – С. 89–93.
2. Складорова Е.Е. Основные модели инновационного развития экономических систем и роль МСП в их эффективности // Перспективы России в глобальном мире / под ред. С.С. Черно-ва. Кн. 1. – Новосибирск: Сибпринт, 2011. – 200 с.

Поступила 03.02.2012 г.

УДК 339.9

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ КЛАСТЕРОВ ПРЕДПРИЯТИЙ В МЕЖОТРАСЛЕВОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

А.И. Бородин, М.Н. Кочугуева

Высшая школа экономики, г. Москва

E-mail: aib-2004@yandex.ru

Раскрыты особенности и преимущества использования кластеров в контексте усиления региональной интеграции России. Определены факторы региональной экономики, которые способствуют росту эффективности кластеров и территории в целом на микро и макроуровне; обоснованы составляющие стратегии развития кластеров.

Ключевые слова:

Кластеры предприятий, территориальный маркетинг, потенциал региона, международная конкурентоспособность, инвестиции, государственно-частное партнерство, стратегия регионального развития.

Key words:

Clusters of enterprises, territorial marketing, potential of region, international competitiveness, investments, state-private partnership, strategy of regional development.

Кластерам в информационной экономике отводится роль связующего звена между государственным и частным капиталом, фундаментальными исследованиями и технологическими инновациями, которая была утеряна в странах бывшего СССР в связи с переходом от плановой к рыночной экономике.

Одним из преимуществ командно-административной системы хозяйствования был сбалансированный плановый подход к региональному социально-экономическому развитию регионов.

В рыночной экономике социальная сфера и экология остаются вне фокуса приоритетов крупного бизнеса, вследствие чего в большинстве отраслей сложилась тенденция к выкачиванию ресурсов из бизнеса. В таких условиях у государства отсутствуют рычаги влияния на стратегию развития частного бизнеса. Поэтому поиск мотивов к формированию отношений в рамках государственно-частного партнерства является актуальным аспектом регионального развития. В этом контексте кластерные образования позволяют достигать высокой эффективности промышленного и социально-экономического развития региона.

В настоящее время кластерная теория развития широко обсуждается в рамках Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Всемирной торговой организации (ВТО), Евросоюза, США и России. Кластеры рассматриваются как ключевой инструмент привлечения прямых иностранных инвестиций, развития пятого и шестого технологических укладов в рамках национальной инновационной стратегии, повышения международной конкурентоспособности стран. Например, в ЕС формируется общеевропейская модель стимулирования роста кластеров за счет национального и регионального их финансирования, повышения степени кооперации между ними.

Идеи о преимуществах кластерной организации бизнеса возникли в конце XIX в. в работе Альфреда Маршала «Принципы экономики», где впервые было отмечено проявление стратегического эффекта, как следствия слияния и усиления специализации коммерческих структур.

Е. Дахмен (1950) на примере шведских корпораций показал инновационную динамику их развития за счет взаимной поддержки внутри кластеров («блоков развития»). Л.Г. Метсон (1987) иссле-